

И. С. Ратьковский

Дзержиново в судьбе «Железного Феликса»

Родные места формируют многие черты любого человека. Не стало исключением и место рождения будущего известного революционера, первого председателя ВЧК и ОГПУ, наркома железных дорог и НКВД РСФСР, Ф. Э. Дзержинского — имение Дзержиново Воложинской волости Ошмянского уезда Виленской губернии Российской империи (сейчас — Столбцовский район Минской области). Жизнь в Дзержиново оказала влияние на формирование таких черт будущего известного чекиста, как аскетизм, любовь к детям, музыке и стихам, чувство социальной справедливости.

Само Дзержиново стало собственностью рода Дзержинских в результате брака деда будущего чекиста Юзефа-Яна Дзержинского (1788–1854) с Антуанеттой Озембловской (1799–1869) из известного польского дворянского рода. В собственности Озембловских находилось тогда много имений, в том числе Оземблово (Oziembłowo). Само имение в XIX в. было небольшим земельным владением, насчитывающим в общей сложности 180 га, включая территорию усадьбы. После упомянутого брака имение вскоре меняет название на Дзержиново. Вместе с тем следует отметить, что сами члены рода Дзержинских в официальной переписке еще долго будут употреблять оба эти названия наравне, как Дзержиново, так и Оземблово. Так, Станислав-Карл Эдмундович Дзержинский (старший брат Феликса Дзержинского) в июньском 1893 г. прошении на имя ректора Санкт-Петербургского университета называл это имение Оземблово¹, а в более позднем мартовском прошении 1896 г. упоминал его, как свой адрес для официального ответа, уже в качестве Дзержиново².

В семье новых владельцев имения родилось 11 детей, в том числе в 1838 г. Эдмунд-Руфин Дзержинский, отец Феликса³. Семья не отличалась в это время благосостоянием, имение давало

**Ратьковский
Илья Сергеевич,**
*кандидат
исторических наук,
доцент,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)*

мало доходов. В результате высшее образование получают только двое из сыновей Юзефа-Яна Дзержинского, включая отца Феликса Дзержинского. Однако даже в этом случае образование Эдмунда-Руфина шло за счет благотворительности еще с ранних лет. Доходов с имения было явно недостаточно для получения им даже гимназического образования. Как писал позднее в прошении ректору Санкт-Петербургского университета в ноябре 1859 г. Дзержинский-старший: «не имея состоятельных родственников, я был принят со второго класса и с третьего был принят стипендиатом Белостокской гимназии. Окончив гимназию, я всеми силами старался поступить в Университет, но не было решительно никаких средств, однако надеясь иметь частные уроки в Санкт-Петербурге или поступить в число стипендиатов Виленского учебного округа, я получил у своих знакомых 80 руб. для проезда из г. Белостока в Санкт-Петербург, но в Санкт-Петербурге надежды мои не исполнились...»⁴. Постоянное бедственное материальное положение Эдмунда Дзержинского сопровождалось болезнями, которые объяснялись хроническим недоеданием. Университетский врач в мае 1859 г. констатировал у него наличие, несмотря на лечение, хронического катаракта легких⁵. Неоднократно в личном деле студента указания и на более поздние болезни, в том числе ставшие причиной пропусков экзаменов. Так, осенью 1861 г. он болел воспалением горла и миндалин⁶, а в мае 1862 г. он заболел вновь. Причем Эдмунд Дзержинский, пропустив экзамен по физике, был вынужден даже отчислиться и впоследствии восстанавливаться в университет⁷. Сложным был вопрос и о его трудоустройстве после окончания физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. Отчасти это определялось его неблагонадежным «польским статусом» после польского восстания 1863–1864 г.⁸, а также проблемами со здоровьем и опять-таки материальным положением. В университетском фонде Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга, помимо студенческого дела Эдмунда Дзержинского, хранится отдельное дело о взыскании материальных средств с выпускника университета Э. Дзержинского как должника уже по окончании университета. Эти денежные средства были вытребованы университетом только спустя несколько лет после долгой переписки и настойчивых требований⁹. При соблюдении «буквы закона» не было учтено крайне тяжелое положение выпускника. Так, попечитель Виленского учебного округа в январе 1864 г. указывал, что «Дзержинский находится в крайне стеснительном положении, которое тем более для него тяжело, что при скудости средств должен еще тратиться на лечение от серьезной и в довольно сильной степени развивающейся болезни — чахотки»¹⁰.

Э. Дзержинский все же смог устроиться домашним учителем к дочери профессора Петербургского железнодорожного института И. С. Янушевского. Между Еленой Янушевской и Дзержинским вскоре возникли чувства, и по достижении ею 16 лет они поженились. Весной 1864 г. Э. Дзержинский по протекции тестя приезжает на работу в херсонскую гимназию. В херсонско-таганрогский период в семье Дзержинских рождаются 5 детей: Витольд (умер в годовалом возрасте в 1868 г.), Альдона (1870), Ядвига (1871), Станислав (1872),

Казимир (1875). Характерно, что жена Дзержинского в ожидании рождения детей неизменно возвращалась в Йоды — имение своей матери Казимиры Янушевской, а не в Дзержиново, которое тогда не принадлежало указанной семье.

Ситуация изменилась в середине 1870 г. К этому времени умерли не только родители Э. Дзержинского (отец умер в 1865 г., мать в 1869 г.), но и большинство старших братьев. Учитывая, что один из оставшихся в живых братьев был священником, имение Дзержиново становится теперь собственностью Э. Дзержинского. Получение в наследство имения давало возможность возвращения в родные места, тем более что в этот же период у Дзержинского врачи констатировали туберкулез, и преподавание в гимназиях становилось невозможным¹¹. Отметим, что в 1875 г. умер и отец Елены Дзержинской, что, возможно, обозначало получение ею некоторой части наследства. В результате в 1875 г. Дзержинский уходит на пенсию и возвращается в Дзержиново.

Имение было небольшое — 92 десятины песчаной земли, большая часть из которой сдавалась в аренду за 42 рубля. Арендатором был пан Годель, детям которого в обучении помогал Э. Дзержинский. «Конечно, мизерная плата, но больше за Дзержиново не получить. Хорошо, что арендатор — человек порядочный, всегда внимателен, готов помочь больному Эдмунду», — уточняла позднее племянница Дзержинского¹². Получить больше за аренду пашни представлялось крайне затруднительным делом, прежде всего из-за качества пахотных земель. Как позднее указывал Станислав-Карл Дзержинский: «Хотя после смерти его отца Эдмунда Осиповича Дзержинского осталось имение “Оземблowo”, в коем заключалось 77 десятин удобной пашни, но таковое имение почти не приносит никакого дохода, вследствие плохого качества почвы, поэтому оно отнесено по платежу земских повинностей к третьему разряду»¹³. Остальные территории Дзержиново занимал небольшой сосновый лес и приусадебный участок. Альдона Дзержинская вспоминала: «Отец наш, преподававший с 1866 года в мужской и женской гимназиях Таганрога физику и математику, уже не работал. Он был болен туберкулезом и последние годы жил в деревне, получая пенсию»¹⁴.

Таким образом, доходы семьи складывались из отцовской учительской пенсии и платы за аренду земель имения. Как следствие, семья жила достаточно аскетично в маленьком старом домике на берегу реки Усы (приток Немана), и этот скромный стиль жизни станет привычным для всех детей Дзержинских, как родившихся до переезда в Дзержиново, так и уже в самом имении.

Вечером 30 августа (11 сентября) 1877 г. у Дзержинских родился шестой ребенок. Преждевременно начавшиеся роды (мать, занимаясь хозяйством, упала в открытый люк погреба и сильно ушиблась) прошли, тем не менее, благополучно. «Родившийся в рубашке» ребенок был назван Феликсом. Очевидно, что имя было выбрано неслучайно. Помимо обстоятельств рождения Феликса, сыграла свою роль и семейная традиция Дзержинских называть своих детей в честь близких родственников, в данном случае — в честь дяди, Ф. И. Завад-

ского, мужа старшей сестры Е. И. Дзержинской. В ноябре 1877 г. Ф. Дзержинский был крещен в ближайшей церкви, в Деревнинском римско-католическом приходском костеле¹⁵. Это не был последний ребенок в семье. В 1877 г. родится Ванда, а в 1879 г. Игнатий; позднее, в 1881 г., — Владислав.

Шестерым детям и их родителям становилось тесно в старом домике, и рядом с ним, незадолго до рождения Владислава, будет выстроен более просторный дом. Помощь в строительстве оказал племянник-архитектор и местные крестьяне, хорошо относившиеся к Дзержинскому, так как он бесплатно занимался с крестьянскими детьми. «Дом был теплый и просторный, с высокими потолками и широкими окнами. Пологие ступеньки вели на крыльцо с деревянной балюстрадой. Это крыльцо стало любимым местом игр детей и отдыха взрослых. Первой от входа была проходная комната, так называемая гостиная. Из нее несколько дверей — в столовую, в спальню Эдмунда и Елены, в детскую для малышей. В мансарде жили старшие дети. На большой террасе любил отдыхать Эдмунд Иосифович. Тут же Елена Игнатьевна сушила грибы и фрукты»¹⁶. Как вспоминала Альдона: «Там не было ничего искусственного. Не было ни подстриженных аллей, ни посыпанных желтым песком дорожек, обычно отличавших помещичьи усадьбы. Дом наш был окружен деревьями и густорастущей зеленой травой, по которой дети с большим удовольствием бегали»¹⁷. С теплотой вспоминал этот дом и сам Феликс Дзержинский: «Во сне я часто вижу дом наш, и сосны наши, и горки белого песка, и канавы, и все, все, до мельчайших подробностей»¹⁸.

Переселение в новый дом стало памятным событием для семьи Дзержинских. Однако счастье длилось недолго. В 1882 г. умер от туберкулеза легких Эдмунд-Руфин Дзержинский. Он был похоронен на ближайшем кладбище в д. Деревная. На надгробной плите была высечена надпись: «Покой праху Справедливого» (так отца Феликса называли местные крестьяне)¹⁹. Впоследствии молодой Феликс вместе с другими членами семьи часто навещал могилу отца, украшая ее венками из цветов и дубовыми ветками²⁰.

Материальное положение семьи Дзержинских в этот период было довольно затруднительным: при молодой вдове остались 8 детей в возрасте от 1 года с небольшим до 12 лет. Усадьба практически не приносила доходов, пенсия отца была мала. Но выручали родственники.

Небольшую, но регулярную денежную помощь оказывала им мать Елены Игнатьевны — Казимира Янушевская, проживавшая после смерти мужа в усадьбе Йоды под Вильно. Сюда летом часто приезжала вся семья Дзержинских. Само имение было большим, с многочисленными слугами. Согласно воспоминаниям родных Дзержинского, молодого Феликса интересовало, почему бабушка ничего не делает, а старик-садовник с раннего утра работает в саду, почему местным крестьянам не разрешено собирать в лесу хворост и грибы и т. д.²¹ Позднее, уже в гимназический период, Дзержинский пробовал даже агитировать «притесняемых» крестьян. Но все это прощалось любящей его бабушкой. Помимо денежной

помощи и «приемов» в имени, она взялась воспитывать Казимира и Игнатия²². Выбор был не случаен, так как они и раньше воспринимались ею как восприемники (названы в честь бабушки и дедушки), особо. Заботу о старших детях (Станиславе и Альдоне) взял Феликс Юзефович Завадский, муж сестры Елены Дзержинской, который предоставлял квартиру и материальную помощь учащимся в виленских гимназиях старшим детям четы Дзержинских. Особенно он помогал Станиславу Дзержинскому, который учился в одном классе первой виленской мужской гимназии вместе с его сыном Феликсом (Фелиусом) Завадским. Они закончат ее в 1892 г.

Старшая из сестер, Альдона, учившаяся в виленской женской гимназии, приезжая в Держиново на летние каникулы, также старалась, чем могла, помогать маме, беря на себя младших братьев и сестер. Особенно сердечные отношения у нее были как раз с Феликсом Дзержинским, который обожал свою сестру. «Я сам помню из времен своего детства эти минуты невыносимого блаженства, когда, например, положив голову на колени Альдоны, я слушал по вечерам шум леса, кваканье лягушек, призывной крик дергача и смотрел на звезды, которые так мерцали, точно были живые искорки... Сейчас ко мне возвращаются воспоминания моего детства, минуты подлинного счастья, когда природа так меня поглощала, что я почти не чувствовал своего существования, а чувствовал себя частицей этой природы, связанной с ней органически, будто я сам был облаком, деревом, птицей»²³. Помогала с детьми и вторая из старших сестер — Ядвига²⁴.

Основная же нагрузка выпала на мать Феликса Дзержинского — Елену Игнатьевну. Она много работала по дому, стараясь содержать детей в чистоте и порядке. Сама обшивала всю семью. «Мама в этой скромной обстановке умела создавать нормальные условия жизни и дать каждому ребенку все необходимое для его духовного развития... Оставшись без мужа, она целыми днями была на ногах, работая по дому, и являлась примером трудолюбия для нас, детей»²⁵. При этом Елена Дзержинская не забывала и о духовном воспитании детей. Она много читала своим детям, особенно стихи польских авторов, которые очень любила. Чаще всего — А. Мицкевича и Ю. Словацкого. «По вечерам она собирала детвору за круглым столом, и начинались душевные беседы, интересные игры, обсуждали события дня, читали стихи Адама Мицкевича, Юлиуша Словацкого, Марии Конопницкой, пели песни польских повстанцев», — писала в своей книге С. В. Дзержинская²⁶. У Феликса была хорошая память. Поэтому в четыре года он уже декламировал наизусть отрывки из поэмы «Пан Тадеуш» Мицкевича, стихи Словацкого, рассказывал сказки и басни²⁷.

Рассказы Елены Дзержинской были и о недавнем историческом прошлом, об участии и судьбах поляков и Польши в Российской империи. «Я помню вечера в нашей маленькой усадьбе, когда мать при свете лампы рассказывала, а за окном шумел лес, как она рассказывала о преследованиях униатов²⁸, о том, как в костелах заставляли петь молитвы по-русски на том основании, что эти католики были белорусами; помню ее рассказы о том, какие контрибуции налагались на население, каким образом оно подвергалось преследованиям, как

его донимали налогами, и т. д. и т. п.»²⁹ Эти рассказы, а также сама обстановка семьи, пострадавшей от преследований российских властей, способствовали формированию в молодом Феликсе радикальных антироссийских, антирусских настроений. Позднее, в 1922 г., он вспоминал: «Будучи еще мальчиком, я мечтал о шапке-невидимке и уничтожении всех москалей»³⁰. Впрочем, подобные мечты переполняли многих поляков того времени.

Благодаря матери Феликс Дзержинский и его братья и сестры познакомились с лучшими произведениями польских композиторов — Ф. Шопена, М. Огинского, а также с музыкой Бетховена и других авторов. Неслучайны поэтому слова Феликса Дзержинского о своей матери или, как он ее любовно называл, «матусе»: «Я благословляю свою жизнь и чувствую в себе и нашу мать и все человечество. Они дали мне силы стойко переносить все страдания. Мама наша бессмертна в нас, Она дала мне душу, вложила в нее любовь, расширила мое сердце и поселилась в нем навсегда»³¹.

Детство Феликса Дзержинского, несмотря на стесненность материальных средств в его семье, было наполнено теплом и светом. Спустя годы он вспоминал родное Дзержиново как время безмятежного счастья и единения с природой, многих летних забав для детей разного возраста.

В походах в лес и на реку принимали участие не только представители семейства Дзержинских, но и крестьянские дети из Петриловичей. Житель этой деревни И. А. Трубиш впоследствии вспоминал, что Феликс любил играть с деревенскими сверстниками, купался с ними в реке, ловил рыбу, раков. Подравшись, никогда не жаловался родителям, вновь приходя к друзьям. «Бегал быстро, плавал здорово, нырял, любил печеную картошку»³².

«Наши мальчики росли на свободе. Большую часть летнего дня они проводили у реки, купались, ловили рыбу. Нередки были случаи, когда кто-нибудь из них и тонул — со дна реки било много ключей, — тогда остальные братья бросались на помощь и сообща вытаскивали на берег. Любимым занятием Феликса была ловля и охота за раками. Мы всегда радовались, когда к ужину на столе появлялось блюдо с целой горой красных вареных раков. В такие дни Феликс был горд своими успехами и особенно доволен тем, что доставил удовольствие маме, очень любившей раков. Любил он также лесные походы за ягодами и грибами. В наших лесах их было очень много, и мы часто отправлялись туда веселой гурьбой. С наслаждением ели мы потом пироги с черникой, которую сами собирали», — вспоминала позднее его старшая сестра Альдона³³.

Пироги и пирожки с долгим сидением вечерами перед самоваром впоследствии часто вспоминал и сам Феликс Дзержинский в своих письмах к родным. Об этих пристрастиях Феликса помнили и его родные. Именно пирожки, желая побаловать брата, приготовит в голодной Москве в далеком еще от этих детских лет 1919 г. его сестра. Однако Дзержинский, узнав о происхождении муки, которая была куплена у спекулянтов, выбросил их в окно.

Чаще чем пирогами, приходилось обходиться более обыденной и более дешевой кашей. Характерен отрывок из воспоминаний младшего брата Игнатия: «Весело было нам во время еды. Единственно, бедный Феликс иногда был невеселый, видя перед собой нелюбимую им тарелку овсяной каши. А когда был уже взрослым, часто говорил, что единственная пища, которую он не любит, это овсяная каша»³⁴.

Дзержиново представляло детям много возможностей для мальчишеских забав. Как вспоминала Альдона: «С раннего детства Феликс любил ездить верхом. Но так как мама не позволяла малышам этого делать, то мальчики нередко ловили на лугу неоседланных лошадей и на них мчались вскачь куда-либо в лес, подальше от взоров взрослых. Это доставляло им огромное удовольствие. Феликс ни за что не хотел отставать от старших братьев, но если те кое-как справлялись со своими лошадьми, то 6–7-летний Феликс нередко оказывался на земле. Однако чувствовал он себя героем. Феликсу были присущи все детские проказы и шалости, но он никогда не совершал жестоких или грубых поступков»³⁵. Про езду на неоседланных лошадях арендатора писала и С. В. Дзержинская³⁶.

Схоже о порою опасных забавах вспоминал брат Игнатий: «Любимым развлечением Феликса было также хождение на высоких ходулях. Это требовало смелости и ловкости, так как в нашу задачу часто входила ходьба на ходулях даже через корову!»³⁷

«Однажды он залез на крышу двухэтажного дома, но, чтобы поскорее вернуться вниз, решил спускаться с крыши по водосточной трубе. Труба была старая, с острыми закраинами. Когда он спускался, железо впивалось в его тело, Феликс разорвал в кровь ноги, руки, но, преодолевая боль, все же достиг земли»³⁸.

Как правило, в играх принимали участие все дети, при этом младшие Дзержинские тянулись к Феликсу, который был их вожаком. По воспоминаниям Альдоны, «в раннем возрасте он обычно играл с сестрой Вандой, которая всегда подчинялась его воле. Во всех играх с ней и младшим братом Владиславом вожаком был Феликс»³⁹. Однако игры эти зачастую проходили без присмотра взрослых и итогом одной из таких игр, уже позднее, в 1892 г., стала случайная смерть Ванды. Согласно наиболее распространенной версии, двое братьев — недавний выпускник виленской гимназии Станислав и Феликс взяли ружье и стали стрелять по мишени, но случайным выстрелом убили сестру. Считается, что ружье было в руках Станислава, хотя свидетелей не было⁴⁰.

В пользу виновности Станислава говорит его ярко выраженная увлеченность оружием и охотой, в отличие от юного Феликса. «Брат Станислав часто охотился на птиц и зверей. Наш Феликс не принимал участия в охоте, слишком любил он свободу этих лесных жителей. Наоборот, ловля белок и затем их выращивание составляло ему большое удовольствие», — вспоминал Игнатий Эдмундович Дзержинский⁴¹. Дальнейшая уединенность жизненного уклада Станислава также свидетельствует в пользу принятия этого варианта.

Но может быть и другая версия, ранее не приводившаяся в исторической литературе, посвященной Феликсу Дзержинскому. Станислав, закончивший гимназию именно в 1892 г., стрелял не с Феликсом Дзержинским, а со своим двоюродным братом и однокашником по гимназии Феликсом Феликсовичем Завадским. Характерно, что с 1892 г. ранее тесные связи двух семей резко ослабевают. Так или иначе, тема смерти Ванды не обсуждалась в семье. Сам Феликс никогда не упоминал об этой трагедии, как и Станислав...

Сестра Ядвига вспоминала: «Феликс рос упрямым, шаловливым ребенком. Но и в детстве его характерной чертой была необыкновенная честность»⁴². Об упрямстве упоминали и другие члены семьи⁴³. В. Сперанский вспоминал: «Казимир Дзержинский, старший брат неукротимого Феликса, добрый товарищ и усердный школьник, успевавший в науках весьма прилично, несмотря на отчаянное свое заикание, рассказывал мне, когда мы сидели рядом в третьем классе, что Феликс был с младенчества тем, кого французы зовут “феником” семьи. Казимир, впоследствии ставший ветеринарным врачом, без всякой родственной ревности говорил мне, что фавориту Феликсу безнаказанно сходили дома самые анархические проделки»⁴⁴.

Но несмотря на все свои проказы и проделки, это был не только ранимый, но и отзывчивый ребенок, любящий свою семью. «Память о тех, кого любишь, особенно жива, она бежит к ним, и вновь оживают эти давние-давние годы, когда мы были вместе; сколько улыбок, любви окружало нашу юность и детство. Деревня, кругом леса, луга, поля, речка неподалеку, кваканье лягушек и клекот аистов. Вся эта тишина и прекрасная музыка природы по вечерам и утречком роса на траве, и вся наша разыгравшаяся кучка малышей, и звучный, далеко слышный голос мамы, созывающий нас из леса и реки домой, к столу, и этот наш круглый стол, самовар, и весь наш дом, и крыльцо, где мы собирались, и наши детские огорчения и заботы мамы... Все это навсегда, бесповоротно унесла жизнь, текущая безудержно вперед, но осталась память об этом, любовь и привязанность, и они будут жить в душе каждого из нас до самого заката нашей жизни. И все эти улыбки и сияния, слезы и печаль, совместно прожитые когда-то нами, живут в душе и доставляют радость даже тогда, когда сам человек этого не осознает. Человеческая душа, как цветок, бессознательно поглощает лучи солнца и вечно тоскует по нему, по его свету; она увядает и коверкается, когда зло заслоняет этот свет. В этом стремлении каждой человеческой души к солнечному свету и зиждется наша бодрость, вера в лучшее будущее человечества, и поэтому никогда не должно быть безнадежности...», — писал сестре Альдоне много лет спустя Феликс Дзержинский⁴⁵.

Это были счастливые годы для него, особенно по сравнению с тем, что ожидало его впереди. Уже позднее, в 1916 г., в письме из тюрьмы своему брату Владиславу он напишет: «Когда я возвращаюсь памятью к нашим дзержиновским годам, меня охватывает трогательное чувство нежности, и тогда я чувствую нежность, счастье от моих тогдашних детских чаяний и от воспоминания их, в настоящем... Я хотел бы обнять тебя сердечно и опять

встретиться в наших лесах — слушать шепот деревьев, песни лягушек и всей нашей деревенской музыки. И именно, может быть... силой моей жизни была эта музыка леса и лугов моих детских лет, которая еще сегодня звучит в моей душе как гимн жизни»⁴⁶.

В десятилетнем возрасте, в 1887 г., Дзержинский поступает в первую виленскую гимназию. Теперь его жизнь более связана с Вильно, чем с Дзержиново, куда он возвращается только на каникулы. При этом в последние годы обучения Феликс использовал каникулы для заработка, не заезжая даже в Дзержиново, тратя полученные деньги уже на свою «революционную» деятельность гимназического периода. Именно эта революционная деятельность и стремление более активно принимать в ней участие приведет его к решению бросить гимназическое образование и демонстративно уйти из учебного заведения⁴⁷.

Послегимназическая революционная деятельность Дзержинского в Вильно, а затем в Ковно, не осталась без внимания властей, и в июне 1897 г. он был в первый раз арестован, а затем выслан в Вятскую губернию⁴⁸. Потом последовал побег и новый арест и ссылка уже в Иркутский край⁴⁹. Дзержиново все больше становилось отдаленным воспоминанием для Дзержинского и мелькает только в переписке с родными, как время беззаботного детства, как пожелание вновь его посетить⁵⁰. Также оно указывается им властям в качестве места возможного его пребывания после освобождения. Так, когда 22 мая (4 июня) 1907 г. Дзержинский был освобожден из тюрьмы «Павиак» под залог в одну тысячу рублей, которые дала партия, а формально для властей деньги внес его брат Игнатий, официальным местом своего будущего пребывания он обозначил Дзержиново. Но он не поехал туда, отправившись сначала на Любельщину к своему брату Игнатию, а затем, немного там отдохнув, вновь перешел на нелегальную работу⁵¹.

В результате его новый приезд в Дзержиново состоялся только после свержения самодержавия в 1917 г. и был связан с трагическими событиями в семье. Находясь на лечении в кумысолечебнице в Оренбуржье летом 1917 г., он получил трагические известия из Дзержиново, где бандиты с целью грабежа убили его брата Станислава. В Дзержиново Феликс добирался через Минск и железнодорожную станцию Койданово (сейчас — город Дзержинск в Белоруссии). К моменту его приезда Станислав уже был похоронен на родовом кладбище рядом с отцом в деревне Деревная. Подробности о своем пребывании в Дзержиново Феликс Эдмундович сообщал в письме к племяннице: «Дзержиново сейчас разграблено и пусто. Бедный Стась пал жертвой трусости других. Знакомые давали ему на хранение ценности, грабители знали об этом. Знали также, что у него есть оружие и собака, и что он бы отразил всякое открытое нападение. Поэтому они применили хитрость. Попросили накормить ужином и дать ночлег, а потом убили его. Совершить грабеж не успели, так как горничная выскочила в окно, и ее брат, арендатор из пекарни, бросился на помощь». Пробыв несколько дней в Дзержиново, Феликс Эдмундович через Минск вернулся в Москву, а затем выехал в Петроград на VI съезд РСДРП(б).

Более в Дзержиново Феликс Эдмундович не появлялся. Известно только, что он хотел поехать в Вильно и его окрестности в начале 1919 г., получив известия об освобождении города красными войсками 5 января 1919 г. Однако этому не было суждено сбыться, так как 5 января 1919 г. Дзержинский вместе с И. В. Сталиным отправились в Вятку, в служебную командировку по расследованию «пермской катастрофы». После возвращения 29 января из Вятки в Москву он получил известия о скором приезде семьи. Жена и сын приехали из Швейцарии в начале февраля 1919 г. Поездку пришлось отложить, тем более что вскоре последовал ряд событий, которые делали поездку все менее реальной. 18–23 марта 1919 г. Дзержинский участвует в работе VIII съезда РКП(б). На съезде он был вновь избран в ЦК РКП(б), правда, не войдя в Политбюро. При этом он получил 241 голос, уступив В. И. Ленину (262), Н. И. Бухарину и И. В. Сталину (258), но опередив Л. Д. Троцкого (219) и М. И. Калинина (158). 25 марта 1919 г. пленум ЦК РКП(б) рассматривал вопрос о назначении после смерти 16 марта Я. М. Свердлова кандидатуры нового Председателя ВЦИК. В период между смертью Я. М. Свердлова и партийным пленумом обязанности председателя ВЦИК исполнял некоторое время Михаил Федорович Владимирский. В газетной публикации, адресованной прежде всего крестьянам, разъяснялось, что еще 25 лет назад он основал в Москве первую коммунистическую организацию⁵². Пленум обсуждал кандидатуры на этот пост Ф. Э. Дзержинского, А. Н. Белобородова, Н. Н. Крестинского, В. И. Невского и председателя Смоленского губкома С. В. Иванова. По поручению ЦК Л. Б. Каменев, назначенный председателем фракции, провел М. И. Калинина сначала в состав ЦИК, а затем и в Президиум. Была выбрана кандидатура Я. М. Калинина. За проголосовали 7, против 4, воздержались 2⁵³.

Отклонение кандидатуры Дзержинского было, впрочем, связано не с его деятельностью в ВЧК и определенным сформировавшимся образом, а скорее с его предполагаемым новым назначением. Уже 30 марта 1919 г. Дзержинский был утвержден народным комиссаром внутренних дел РСФСР, с оставлением за ним должности председателя ВЧК. Заместителем нового наркома станет М. Ф. Владимирский. Новое назначение, неудачные военные действия Красной Армии на Западе, сделали поездку невозможной.

15 апреля 1919 г. он с сожалением пишет сестре Альдоне в Вильно, что хотел увидеть ее в Вильно, но так и не собрался туда, «не смог найти несколько свободных дней». Далее он писал: «Посылаю тебе вещи из Дзержинова. Очень массивные ценности были конфискованы согласно нашим законам... Я знаю, что эта конфискация фамильных ценностей огорчит тебя, но я не мог иначе поступить — такой закон у нас о золоте. Присоединяю список посылаемых вещей...»⁵⁴.

В дальнейшем ему так и не суждено было посетить места своего детства, даже в период советско-польской войны 1920 г., когда он находился рядом, в Минске. Рижский мир 1921 г. передал территории, на которых находилось Дзержиново, польскому государству.

На картах польских земель Держиново вновь фигурировало как Оземблово, вплоть до 1939 г., когда западно-белорусские территории были возвращены в состав СССР.

¹ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 3. Д. 29453 (Держинский Карл Эдмундович). Л. 22.

² Там же. Л. 63.

³ *Ратьковский И. С.* Корни «Железного Феликса»: к вопросу о происхождении Ф. Э. Держинского // Вестник Санкт-Петербургского университета культуры и искусств. 2015. № 3. С. 15.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5. Д. 836 (Держинский Эдмунд). Л. 30.

⁵ Там же. Л. 20.

⁶ Там же. Л. 41.

⁷ Там же. Л. 48.

⁸ *Ратьковский И. С.* Корни «Железного Феликса»... С. 16–17.

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 39. Оп. 1. Д. 6163.

¹⁰ Там же. Ф. 14. Оп. 5. Д. 836. Л. 86 об.

¹¹ Туберкулезом позднее болели и сыновья Эдмунда; помимо Феликса, со студенческих пор им болел Станислав.

¹² *Держинская С. В.* Героическая молодость. М., 1977. С. 25.

¹³ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 29453. Л. 22.

¹⁴ *Держинская-Кояллович А. Э.* Воспоминания сестры // О Феликсе Держинском. Воспоминания, очерки, статьи современников. 2-е изд., доп. М., С. 15.

¹⁵ *Плеханов А. М.* Держинский. Первый чекист России. М., 2007. С. 19.

¹⁶ *Держинская С. В.* Героическая молодость... С. 28.

¹⁷ *Держинская-Кояллович А. Э.* Воспоминания сестры... С. 15.

¹⁸ *Держинский Ф.* Дневник. Письма к родным. М., 1958. С. 243.

¹⁹ *Хацкевич А. Ф.* Солдат великих боев. Жизнь и деятельность Ф. Э. Держинского. Изд. 4-е, доп. Минск, 1982. С. 13.

²⁰ *Держинский Ф.* Дневник заключенного. Письма. М., 1984. С. 71.

²¹ *Зубов Н. Ф.* Э. Держинский. Биография. Изд. 3-е, доп. М., 1971. С. 5.

²² *Держинская-Кояллович А. Э.* Воспоминания сестры... С. 17.

²³ *Держинский Ф.* Дневник и письма. М., 1956. С. 157–158.

²⁴ *Держинская Я. Э.* Наш Феликс // Рыцарь революции. Воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Держинском. М., 1967. С. 107.

²⁵ *Держинская-Кояллович А. Э.* Воспоминания сестры... С. 17.

²⁶ *Держинская С. В.* Героическая молодость... С. 37.

²⁷ *Держинская Я. Э.* Наш Феликс... С. 22; *Держинская С. В.* Героическая молодость... С. 29.

²⁸ Литовская епархия Российской Православной Церкви была учреждена в 1839 г., когда в Полоцке на соборе униатских епископов Полоцкой и Витебской епархий было принято решение о воссоединении с православной церковью. Границы епархии включали Виленскую и Гродненскую губернии. Первым епископом Литовским стал бывший униатский епископ Иосиф (Семашко).

²⁹ *Держинский Ф.* Дневник и письма. С. 153–154.

- ³⁰ Плеханов А. М. Дзержинский... С. 21.
- ³¹ Дзержинский Ф. Дневник заключенного... С. 27.
- ³² Зубов Н. Ф. Э. Дзержинский... С. 5.
- ³³ Дзержинская-Кояллович А. Э. Воспоминания сестры... С. 16. — «Помимо раков, он часто приносил маме из леса большой букет лесных колокольчиков» (Цит. по: Дзержинская С. В. Героическая молодость... С. 30).
- ³⁴ Цит. по: Федоткина Т. Палач королевства любви // Московский комсомолец. 1998. 5 сентября.
- ³⁵ Дзержинская-Кояллович А. Э. Воспоминания сестры... С. 16.
- ³⁶ Дзержинская С. В. Героическая молодость... С. 30.
- ³⁷ Цит. по: Федоткина Т. Палач королевства любви // Московский комсомолец. 1998. 5 сентября.
- ³⁸ Овсеенко Вл. Наставник юности // Рыцарь революции. Воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. М., 1967. С. 311.
- ³⁹ Дзержинская-Кояллович А. Э. Воспоминания сестры... С. 16.
- ⁴⁰ Не железный Феликс (Интервью с Ф. Я. Дзержинским) // Экспресс-газета. 2007. 23 ноября.
- ⁴¹ Цит. по: Федоткина Т. Палач королевства любви...
- ⁴² Дзержинская Я. Э. Наш Феликс... С. 22.
- ⁴³ Дзержинская С. В. Героическая молодость... С. 33.
- ⁴⁴ В. Н. Сперанский о Дзержинском-гимназисте // Русская жизнь. 2009. 29 янв.
- ⁴⁵ Дзержинская С. В. Героическая молодость... С. 30–31.
- ⁴⁶ Там же. С. 31–32.
- ⁴⁷ Ратьковский И. С. «Гимназистки влюблялись в него по уши»: Виленская гимназия в жизни «Железного Феликса». 1887–1896 гг. // Новейшая история России. 2014. № 2. С. 197–217.
- ⁴⁸ Ратьковский И. С. Первая ссылка Феликса Дзержинского // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 14.
- ⁴⁹ Ратьковский И. С. Вторая ссылка Ф. Э. Дзержинского: бунт в Александровском центре // Путь России и судьба историка (к 80-летию профессора В. А. Кутузова): Сб. ст. / Отв. ред. М. В. Ходяков. СПб., 2015. (Труды исторического факультета СПбГУ. Т. 21).
- ⁵⁰ Дзержинский Ф. Дневник заключенного... С. 219, 223, 248.
- ⁵¹ Дзержинская С. С. Пламенный революционер // Рыцарь революции. Воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. М., 1967. С. 14; Дзержинский Ф. Дневник заключенного... С. 73.
- ⁵² Беднота. М., 1919. 21 марта.
- ⁵³ Протокол заседания пленума ЦК РКП(б) 25.03.1919 // Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 133.
- ⁵⁴ Дзержинский Ф. Дневник заключенного... С. 263–264.

УДК 94(47).082

Ратьковский И. С. Дзержиново в судьбе «Железного Феликса» // Новейшая история России. 2015. № 3 (14). С. 8–21.

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена малой родине Ф. Э. Дзержинского, первого руководителя ВЧК. Ранее известное как имение Оземблово, оно стало более известно как Дзержиново. На основании мемуарных источников, генеалогических изысканий,

архивов, статья дает анализ детских лет Ф. Дзержинского и его «большой семьи» в Дзержиново. Раскрывается их материальное положение и статус. Именно в этот период сложился характер будущего главы ВЧК, его мировоззрение. Жизнь в Дзержиново оказала влияние на формирование таких черт будущего известного чекиста, как аскетизм, любовь к детям, музыке и стихам, чувство социальной справедливости. Детство Феликса Дзержинского, несмотря на стесненность материальных средств в его семье, было наполнено теплом и светом. Спустя годы он вспоминал родное Дзержиново как время безмятежного счастья и единения с природой, многих летних забав для детей разного возраста. Высокий культурный уровень семьи Ф. Э. Дзержинского, в первую очередь матери, во многом определяет его биографию. В статье Феликс Дзержинский показан как ребенок, с проказами и шалостями, бунтарством и деревенскими буднями. Раскрыта роль матери, сестер и отца в воспитании ребенка. Статья посвящена детским годам Ф. Дзержинского.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Феликс, Дзержинский, Дзержиново, Оземблово, революционное движение, Россия.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); i.ratkovskij@spbu.ru

Ratkovsky I. S. 'Dzerzhinowo in the fate of "Iron Felix"'

ABSTRACT: The article is devoted to the small homeland of Felix Dzerzhinsky, the first head of the VCheka. Formerly known as the estate "Oziembłowo", it was more commonly known as "Dzerzynowo". The article gives the analysis of the childhood of Felix Dzerzhinsky and his extended family, their financial standing and social status in Dzerzynowo on the basis of memoir sources and genealogical research, archives. During this period character of future head of Cheka's and his mindset were formed. The high cultural level of Dzerzhinsky's family, primarily of his mother, mostly predestinated Dzerzhinsky's biography. The article shows Felix Dzerzhinsky childhood, his mischiefs and pranks, his rebelliousness, village everyday life and the role of his mother, sisters and father in the upbringing of the child.

KEYWORDS: Felix, Dzerzhinsky, Dzerzhinowo, Oziembłowo, history of Russian revolutionary movement.

AUTHOR: Candidate of History, Associate Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); i.ratkovskij@spbu.ru

REFERENCES:

¹ Ratkovskiy I. S. 'Korni «Zheleznogo Feliksa»: k voprosu o proisxozhdenii F. E. Dzerzhinskogo', *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2015, no. 3.

² Dzerzhinskaya S. V. *Geroicheskaya molodost'* (Moscow, 1977).

³ Dzerzhinskaya-Koyallovich A. E. 'Vospominaniya sestry' in *O Felikse Dzerzhinskom. Vospominaniya, ocherki, stat'i sovremennikov*, 2nd ed. (Moscow, 1987).

⁴ Plekhanov A. M. *Dzerzhinskij. Pervyj chekist Rossii* (Moscow, 2007).

⁵ Dzerzhinskij F. *Dnevnik. Pis'ma k rodnym* (Moscow, 1958).

⁶ Khackevich A. F. *Soldat velikix boev. Zhizn' i deyatel'nost' F. E. Dzerzhinskogo*, 4th ed. (Minsk, 1982).

⁷ Dzerzhinskij F. *Dnevnik zaklyuchennogo. Pis'ma* (Moscow, 1984).

⁸ Zubov N. F. E. *Dzerzhinskij. Biografiya*, 3rd ed. (Moscow, 1971).

⁹ Dzerzhinskij F. *Dnevnik i pis'ma* (Moscow, 1956).

¹⁰ Dzerzhinskaya Ya. E. 'Nash Feliks' in *Rycar' revolyucii. Vospominaniya sovremennikov o Felikse Ehdmundoviche Dzerzhinskom* (Moscow, 1967).

¹¹ Fedotkina T. 'Palach korolevstva lyubvi' in *Moskovskij komsomoletz*, 1998, 5 September.

¹² Ovseenko V. 'Nastavnik yunosti' in *Rycar' revolyucii. Vospominaniya sovremennikov o Felikse Ehdmundoviche Dzerzhinskom* (Moscow, 1967).

¹³ 'Ne zheleznyj Feliks (Interview s F. Ya. Dzerzhinskim)', *Ekspress-gazeta*, 2007, 23 November.

¹⁴ 'V. N. Speranskij o Dzerzhinskom-gimnaziste', *Russkaya zhizn*, 2009, 29 January.

¹⁵ Ratkovskij I. S. '«Gimnazistki vlyublyalis' v nego po ushi»: Vilenskaya gimnaziya v zhizni «Zheleznogo Feliksa». 1887–1896 gg.', *Novejshaya istoriya Rossii*, 2014, no. 2.

¹⁶ Ratkovskij I. S. 'Pervaya sсыlka Feliksa Dzerzhinskogo', *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 2013, Vol. 14.

¹⁷ Rat'kovskij I. S. 'Vtoraya sсыlka F. Eh. Dzerzhinskogo: bunt v Aleksandrovskej centrale', *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*, 2015, Vol. 21.

¹⁸ Dzerzhinskaya S. S. 'Plamennyj revolyucioner' in *Rycar' revolyucii. Vospominaniya sovremennikov o Felikse Ehdmundoviche Dzerzhinskom* (Moscow, 1967).